

ГИБЕЛЬ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА И ГЕНОЦИД ДЖУНГАРОВ В XVIII в. ЧАСТЬ II

© 2026

С.Л. Кузьмин¹

В статье дан аналитический обзор данных по целям и действиям цинского императора Хунли (Цяньлуна) и его войск при уничтожении Джунгарского ханства, а также по восстанию джунгарского нойона Амарсаны. Этот нойон, поднявший восстание против цинского господства, считается героем национально-освободительной борьбы монголов. Однако перед тем, как восстать, он участвовал в распрях между джунгарами (ведших к коллапсу их государства) и в борьбе за ханский престол, в надежде на который он принял цинское подданство и сыграл важную роль в ликвидации Джунгарского ханства империей Цин. Затем, поняв, что Хунли не даст ему ханского титула над всей Джунгарией (при котором он все равно оставался бы его подданным), поднял плохо подготовленное восстание, подавление которого сопровождалось геноцидом джунгаров. Массовое истребление джунгаров продолжалось и позже — в то время, когда Амарсана, бежав за границу, нашел убежище в России. Так мечта о единоличной ханской власти стала одной из причин массовой гибели джунгарского населения. Показано, что цели и действия Хунли и его войск в отношении джунгаров соответствуют современному международно-правовому понятию геноцида. Эти и другие репрессивные действия буддиста Хунли противоречат канонам его веры и распространявшимся в империи Цин представлениям о Хунли как бодхисаттве, чакравартине или каком-либо другом сакральном лице буддизма.

Ключевые слова: Монголия, империя Цин, Россия, Джунгарское ханство, геноцид

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Гибель Джунгарского ханства и геноцид джунгаров в XVIII в. Часть II. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 2. С. 20–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-020-036

COLLAPSE OF THE ZUNGAR KHANATE AND GENOCIDE OF THE ZUNGARS IN THE EIGHTEENTH CENTURY.

PART II

Sergius L. Kuzmin

Analytical review of data on the goals and actions of the Qing Emperor Hongli (Qianlong) and his troops during the destruction of the Zungar Khanate, as well as on the uprising of the Zungar noble Amarsana, is given. Many Mongols considered Amarsana, who rebelled against the Qing rule, a hero of the national liberation struggle. However, before he rebelled, he participated in the feud between the Zungars (which led to the collapse of their state) and in the struggle for the throne of the khan of whole Zungaria, in the hope of which he accepted subjection to the Qing and played an important role in the annexation of the Zungar Khanate by the Qing. Then, realizing

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, DSc (Hist.), PhD (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

that Hongli would not grant him this khan's title (under which he would also remain his subject), he raised a poorly prepared uprising, the suppression of which was accompanied by the genocide of the Zungars. The mass extermination of the Dzungars continued later, when Amarsana fled abroad to find refuge in Russia. Thus, the dream of the personal khan's power became one of the causes of extremely high mortality of the Zungar population. It is shown that the goals and actions of Hongli and his troops against the Zungars correspond to the modern international legal concept of genocide. These and other repressive actions of the Buddhist Hongli contradict the canons of his religion and the ideas that spread in the Qing Empire about him as a Bodhisattva, Chakravartin or any other sacred person of Buddhism.

Keywords: Mongolia, Qing Empire, Russia, Zungar Khanate, genocide

For citation: Collapse of the Zungar Khanate and Genocide of the Zungars in the Eighteenth Century. Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 20–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-020-036

В предыдущей статье [Кузьмин, 2026] я рассмотрел коллапс Джунгарского ханства и массовую гибель его населения в результате агрессии войск империи Цин в царствование императора Хунли (Цяньлуна), а также деятельность джунгарского нойона Амарсаны. Теперь следует проанализировать приказы и мнения самого Хунли и его чиновников об «умиротворении» Джунгарии, как это согласовалось с мироустроительной концепцией и религиозностью Хунли, а также вопрос о том, был ли геноцид причиной массовой гибели джунгаров.

Хунли и его чиновники об «умиротворении» Джунгарии

Согласно документам Палаты по внешним территориям (Лифаньюань) от 18 июня 1763 г., цинское правительство официально признает, что до 1757 г. ойратское государство было независимым от империи Цин — соседним с ним государством [Каморная, 2014, с. 147]. Хунли так обосновывал планируемое им вторжение в это государство в своем указе от 13 июня 1754 г.: «По своей природе джунгарские варвары злобны и коварны. И эти их качества трудно изменить. В будущем они непременно затеют ссору и вовлекут нас в раздоры. Поэтому надо принять меры предосторожности. У них уособицы и столкновения с казахами — это надо использовать. В будущем году я намерен отправить две армии, достичь Или и разместить там войска. Это раздробит их силы» [Международные отношения..., 1989, с. 20–21]. По словам Хунли, его дед и отец неоднократно пытались захватить Джунгарию, но не смогли до конца разрешить этот вопрос, а сейчас возникли хорошие возможности, которые нельзя упускать [Чимитдоржиев, 2002, с. 105].

Следовательно, захват Джунгарии был изначальной целью Хунли. При этом джунгары обозначены как «варвары» согласно традиционному китайскому мировоззрению — хотя остается открытым вопрос, кем в таком случае были маньчжуры, по крайней мере, до завоевания Китая...

«Характерно, что официальной целью похода “великой армии умиротворения”, как именовалась в китайских источниках цинская армия, вторгшаяся в Джунгарию, провозглашалось “установление спокойствия для людей”, наказание “узурпатора, насильника” Давачи, “защита желтой веры”» [Чимитдоржиев, 2002, с. 108–109] — то есть тибетского буддизма школы Гэлуг, который исповедовали почти все монголы, маньчжуры и сам Хунли. Вместе с тем, согласно официальным цинским документам, целью похода в марте 1755 г. на Джунгарию было «истребление джунгаров-варваров» [Кузнецов, 1983, с. 19]. Но джунгары в 1755 г. покорились почти добровольно, и истребления не произошло.

Восстание Амарсаны было для Хунли неожиданностью и разгневало его. В приказе Хунли ойратскому зайсану Сикэснэргэ от 6 января 1756 г. сказано: «...ради спасения (пострадавших)

даже усмирил Или, сделал добро. В голову не могло прийти, что//Амуэрсана станет неблагодарным изменником и будет провоцировать народ поднять бунт. Поэтому приходится снова объявить священную войну и ознакомить (бунтовщиков) с законами империи» [Китайские документы..., 1994, с. 89].

«“Фанлюэ” показывает джунгаров как мятежников, подлежащих уничтожению (цзяоми) — термин, который все чаще использовался ближе к концу кампаний. Несмотря на предвзятый подход, он дает прекрасное представление о повседневной неопределенности, показывая, что исход ни в коем случае не был предопределен. Цяньлун неоднократно обвинял своих генералов в трусости и в недостаточно быстром наступлении, чтобы уничтожить всех мятежников» [Perdue, 2005, p. 481].

Хунли «объявил всех жителей Джунгарии разбойниками, подлежащими истреблению. Войскам было приказано не только подавить восстание Амарсаны и ликвидировать ойратское государство, но и физически уничтожить ойратов как народ. <...> Маньчжурские военачальники доносили богдо-хану об успешном уничтожении “разбойников” и обещали довести его до конца. <...> Цяньлун хвастался, что “тех, кого можно было, убили, многие умерли от болезней”» [Чимитдоржиев, 2002, с. 133]. С этим можно согласиться частично — ведь последовательных приказов не было.

Например, в 1757 г. он приказал относительно хойтов в Улангоме: «Хойты не являются хорошими людьми. Вы должны подготовиться к тому, что может случиться. Сейчас войск в Кобдо мало, и хойты еще не изменили. Но в будущем вместо переселения их в Хулунбуир или Цицикар нужно вырезать их под корень. Провести подробное исследование. И если возникнет хотя бы малейшее подозрение в измене, вырезать их всех. Если все будет спокойно, оставить их ожидать дальнейшего решения» [Оюунжаргал, 2015, с. 106]. Так что санкционировалось уничтожение не только самих повстанцев. Например, в указе 1758 г. Хунли подтвердил, что сочувствовавшие восставшим ойраты уничтожены [Ходжаев, 1984, с. 163].

Хунли неоднократно требовал истреблять джунгаров, но был непоследователен, когда говорил о том, кому можно сохранить жизнь. В одном указе он говорил, что надо сохранять жизнь только старикам и больным, в другом требовал истреблять всех последователей главарей восставших, кто отказался преклониться перед китайцами и сдаться. Позже он требовал истребить всех мужчин джунгаров, оставляя выживших женщин как рабов для своих войск. В результате царила неразбериха. Но, поскольку император награждал тех, кто захватывал территорию, было благоразумнее ошибиться в сторону резни [Pilkington, 2005, pp. 1183–1184].

Так, в апреле 1757 г. цинский командующий Чжаохуэй предложил уничтожить ойратов поголовно. Хунли назвал его предложение «очень правильным». Однако Цзюньцзичу (Управление по военным и секретным делам) по указу Хунли предписало: «Подобных воров ни в коем случае нельзя щадить, можно оставлять в живых только старых, малолетних и устроить их в разных местах. В прошлом, когда [мы] дважды отправляли в Джунгарию войска, отнеслись к ним очень гуманно. Если и теперь поступим как раньше, они снова поднимут бунт, как только мы возвратим (свои) войска... на этот раз во время военного похода...покарать всех, кто вызывает малейшее подозрение, доставить в столицу или оставлять в живых только оказавших нам услугу и достойных высочайшей милости» [Ходжаев, 1991, с. 62]. Семьи предводителей восстания можно было истреблять полностью — на усмотрение военачальников [Пастухов, 2022б, с. 69]. Исключение было сделано только для старых и малолетних, но не для женщин — их можно было уничтожать. Подданные мятежных феодалов если не уничтожались, то обращались в рабство независимо от их реального участия.

В другом приказе Хунли распорядился сохранить жизнь 900 мужчинам и 1700 женщинам, которых отправили в Баркуль, а оттуда в Сучжоу, «чтобы там решать их вопрос в соответствии с предписаниями». «Поскольку они не бежали и не поднимали бунт, их можно пожалеть...

Помиловать их и отправить во внутренний Китай. Затем предводителей доставить в Пекин с женами и родственниками, остальных раздать чиновникам и воинам соседней провинции, разбросать по разным местам» [Китайские документы..., 1994, с. 92]. Участь предводителей «с женами и родственниками» неизвестна, но остальные были розданы в рабство. Судя по указам Хунли, подданных восставших ойратов первоначально раздавали как рабов другим ойратам и халхасцам, а с 1757 г. стали раздавать солдатам из трех восточных провинций империи Цин [Оюунжаргал, 2015, с. 120].

Цинские командиры детально отчитывались перед Хунли. Несмотря на официальное предписание карать только повстанцев, эти командиры «порой обходили запреты, ссылаясь на неосведомленность или незнание». Например, был уничтожен улус хошутского нойона Шагдар-Манжи (4 тыс. чел.), лояльного цинскому правительству. Мотивом была возможность безнаказанно захватить имущество «мятежников». Позже это выяснилось во время следствия по делу организатора резни. Последний был казнен, а Хунли выразил сожаление по поводу случившегося [Пастухов, 2009, с. 25; 2022б, с. 70–71].

Несмотря на свои безжалостные указы, Хунли никогда лично не отправлял отряды на охоту на джунгаров [Chayet, 2004, p. 37]. На заключительных этапах подавления восстания в разоренной стране действовали не большие отряды джунгаров, а разрозненные группы, ушедшие в горные леса. Для них в цинской среде появился термин «махачин» (от монг. махчин — мясник, мясоед, людоед). Цинские чиновники обвиняли «махачинов» в том числе в каннибализме.

«Ойратские “махачины” были лишены всякой поддержки от местного населения ввиду его отсутствия». Нападали они на цинские отряды, а также на казахов, тоже вторгшихся в Джунгарию [Кукеев, 2018, с. 18, 20]. Это была и партизанская война, и добывание средств к существованию в условиях, когда эти средства было трудно добыть — ведь цинские войска уничтожали скот и имущество джунгаров.

«Начиная с 1757 г. цинские карательные отряды предприняли безжалостную кампанию по выслеживанию и убийству практически всех джунгар по происхождению. С этого времени по 1762 г. джунгары именуются как “махачин”». Эти люди выживали благодаря скоту, так и не истребленному цинскими войсками, охоте или разбоем [Кукеев, 2019, с. 339–340].

Цинские командиры хвастались в официальных донесениях трону о немалом числе “махачинов”, которых они истребили. Награды и почести присуждались командирам, сообщившим о массовых убийствах, а те, кто проводил эту политику с недостаточным усердием, подвергались порицанию. Массовые убийства не ограничивались лишь теми джунгарами, которые совершали угон скота или атаковали цинские отряды. Охота велась также на женщин и детей, их тоже убивали. Известен пример цинского рапорта, как после пыток «махачин» привел карательный отряд туда, где были семьи и друзья. Всех перебили, невзирая на пол и возраст. Двух «махачинов» пытали, чтобы узнать, где другие. Поскольку они этого не знали, один умер под пытками, а другой был убит после пыток. Приводится и другой рапорт со сведениями, сколько именно мужчин, женщин и детей убили цинские каратели в нескольких эпизодах борьбы с «махачинами». Такие инциденты не были единичными. «Цинские войска предпринимали многочисленные вылазки в горы между 1756 и 1762 гг. с конкретной целью вырезать ойратов» [Кукеев, 2019, с. 340–341].

В то самое время, когда истребление джунгаров цинскими войсками достигло кульминации, Хунли оправдывал это так: «С тех пор как умер Галдан-Цэрен, в Джунгарии народ убивает друг друга и не знает мирной жизни. Я, единый владыка вселенной, который как в самом Китае, так и за его пределами навел спокойствие, не мог быть равнодушен к беспорядкам у них и специально послал великую армию покорить Или, схватить Даваца, умиротворить все ойратские племена и заставить их вернуться на (прежние) места. Однако джунгары послушали мятежника Амурсану,

вновь взбунтовались и были разбиты великой армией. <...> Проступки (джунгар) столь тяжки, что ничего не остается, как только истребить (их), чтобы водворить спокойствие в пограничной окраине» (из обращения Хунли к казахам 25 февраля 1758 г. — цит. по: [Международные отношения..., 1989, с. 91]).

Захват Джунгарии и Восточного Туркестана официально праздновали в Цинской империи (см., например, описание того, как Хунли чествовал полководца Чжаохуэя: [Newby, 2005, p. 1]). «Умиротворение» джунгаров и мусульман прославлялось как величайшая победа Хунли. Прославлялась она также в различных произведениях искусства. Был построен специальный павильон в честь нее [Newby, 1996, с. 69].

Дж. Р. Крюгер описал две стелы Хунли, где в надписях на ойратском языке он объясняет войну в Джунгарии в 1755–1758 гг. В стеле 1755 г. (еще до восстания Амарсаны), в частности, говорится: джунгары «были далеки и отставали, и в течение нескольких поколений были враждебны (букв. еретичны) культуре, постоянно нападая, грабя, бесчинствуя. Почему большая масса людей считает (да-цинскую) нацию врагом? Особенно враждебен был Давачи». Далее говорится о вступлении в Джунгарию большой армии Хунли, и там все ему покорилось. «Я великодушно простил их проступки, когда они принесли должную жертву». Затем говорится о том, что Хунли разделил Джунгарию на четыре ханства, назначил правителей, обеспечил народу спокойную кочевую жизнь. Заканчивается документ призывом почитать старших и избегать восстаний.

Другая стела Хунли поставлена уже после подавления восстания Амарсаны. Он обращается к джунгарам: «Из поколения в поколение вы становились ворами. Могущественные люди грабили неимущих, а те, кого собралось много, угнетали тех, кого было мало, считая необходимым убивать людей и никогда не зная, (как) измениться. Хотя они и говорили, что будут почитать буддизм и Будду, и будут почитать Желтую веру, их внутренние мысли (были) злыми, и, подобно демонам чудкур и шимнус, они делали людей своей пищей. Когда такие грехи и пороки, которые охватили их, достигли предела, совершенные ими преступления стали непростительными. Когда они пришли снова и расширили Четыре Ойрата, я установил множество зайсанов, четыре министра и двадцать один отдел, продлил те, которые были разделены и распались на части, и восстановил те, которые были разрушены, заявив: “Пусть они живут в счастье!” Но они сразу же начали искать смерть и разрушение, постоянно конфликтовали между собой и, наконец, дошли до точки резни и пленения, и на бесконечном протяжении страна Или стала совершенно пустой. Почему кто-то вообще должен постоянно раздувать войну, желать убивать и не прекращать ведение войны? В связи с этим причина этих невыносимых условий (заключается в следующем). Поход на западные земли был подробно и основательно разъяснен в стихотворении (то есть на памятнике 1755 г.). Без постоянной стабильности, которая длилась бы долго, страданий стало бы еще больше, и хотя в их поспешном восстании были трудности, оно все же произошло.

Таким образом, полностью подтвердилось, что да-цинский народ поддерживается Небом. Это вовсе не было силой людей. Теперь, когда Или вновь обретен, необходимо и важно проводить политику, направленную на постоянное поддержание его благосостояния в будущем. Что будет, если мы снова потеряем уже завоеванную землю?» Далее говорится, что при обработке полей в 10 тыс. ли невозможно предсказать перспективу, отмечается указание Свыше. В конце сказано, что это документ, «устанавливающий и отмечающий всеобщую стабилизацию и умиротворение Джунгарии» [Krueger, 1972, pp. 59–69].

Увековечение этого «умиротворения» нашло отражение в изобразительном искусстве. Есть ряд картин, воспевающих боевые действия против джунгаров (описание картин: [Таката, 2011, с. 279–290]). Хунли приписывают авторство около 1500 произведений, воспевающих цинские

победы в стихах и прозе. В частности, захват Джунгарского ханства он воспел в собственноручно написанном в 1792 г. эссе «Записи о Десяти свершениях» (十全记) [Каморная, 2014, с. 141–145] — как одно из этих десяти.

В честь победы над джунгарами Хунли в 1755 г. построил в Чэндэ (пров. Хэбэй) большой храм Пуни-сы (Храм повсеместного умиротворения), сочетающий китайский и тибетский стили. В нем находится стела с надписью императора о пире, который он дал в Чэндэ в честь того, что ему покорились джунгары. Кроме того, в Чэндэ есть еще две стелы 1755 г. и 1758 г. (после подавления восстания Амарсаны) — возможно, копии стел, установленных в Или [Waley-Cohen, 1996, p. 880]. Кроме того, по его же приказу в Чэндэ в 1764 г. был возведен Храм умиротворения далеких земель (Аньюань мяо 安远庙) от имени 12 тыс. джунгаров, переселенных в Жэхэ. Он был создан по образцу храма в Кульдже на р. Или [Лю Цян, 2022, с. 228].

«Творимые цинскими войсками в отношении населения Джунгарии насилия представляли собой государственную политику военного террора против непокорных... Страшные сами по себе, они лишь усугублялись произволом военачальников на местах, поскольку совершенно не контролировались центральным правительством» [Пастухов, 2022а, с. 172]. Этот вывод имеет под собой основания. Высшим руководителем этой государственной политики был Хунли, масштабно прославлявший ее результаты.

Мироустроительная концепция и религиозность Хунли

Завоеванные Джунгарию и Восточный Туркестан Хунли назвал Синьцзяном («новый край»), но, по мнению многих конфуцианских чиновников и интеллектуалов, его население не заслуживало цинского правления, а территория — защиты, некоторые вообще считали ее бесполезной [Jia, 2011, pp. 1–9]. Эти люди подчеркивали различия между «внутренним» и «внешним», где «внутреннее» означало «собственно Китай», а «внешнее» — территории снаружи от Цзяюйгуань, крайней западной заставы на Великой китайской стене. Хунли возражал: «Все племена сделаны подданными Цин, все их земли принадлежат Нам, и граница сейчас — Или. Как вы можете делить их на внутренних и внешних?» [Jia, 2011, p. 4]. Он разъяснял: «Есть взгляд на Китай (Чжунся), что не-ханьские народы не могут стать подданными Китая и их земли не могут быть интегрированы в территорию Китая. Это не представляет понимание Китая нашей династией, но вместо этого — представление более ранних династий Хань, Тан, Сун и Мин» [Zhao, 2006, pp. 4, 11–12]. Выходит, что после завоевания Джунгарии ее уцелевшее население он перестал относить к категории «варваров».

В 1755 г. Хунли подготовил памятный отчет и иллюстрированный справочник по «западным регионам». «Умиротворение» трактовалось как развитие прошлых имперских свершений там. В этих материалах нет идей превосходства одних народов над другими. Многочисленные отсылки к китайским империям Хань и Тан были призваны доказать, что главной целью кампании было восстановить старые имперские границы, а не создать новую. Отсылки к старым названиям местностей были призваны обосновать легитимность цинских претензий [Newby, 1996, с. 67–68].

«Среди различных аспектов жизни Цинской империи в XVIII в. особое место занимает вопрос о границе и приграничных народах, при изучении которого китайские ученые используют концепцию “да и тун” (Великое единение), выдвинутую в 1960-х гг. в исторической науке КНР». В ряде работ современной китайской историографии проводится та же мысль. «Китайские авторы также цитируют каноническое утверждение Мао Цзэдуна: “Наша страна — это большая и густонаселенная нация, состоящая из множества различных национальностей <...> династия Цин была

периодом, когда наша объединенная нация, состоящая из множества национальностей, становилась все более единой и развитой. Подавление Цяньлуном восстания Амурсаны говорит о том, что продолжалась политика Канси и Юнчжэна, которые защищали единство нации и вели справедливую войну... Это не только усиливало и развивало единство многонационального государства, но также совпадало с требованиями единения национальностей и их общим желанием противостоять расколу. Поэтому победа над восстанием в этой войне стала неизбежной» (цит. по: Ма Жухэн, Ма Дачжэн, 1994, с. 107)». «Что касается ойратского направления в исследовательской деятельности китайских коллег, то оно базируется на традиционном описании, выработанном еще во времена правления династии Цин. Концепция “да и тун” активно используется китайскими исследователями при изучении истории Джунгарского ханства в период его наивысшего могущества. Она лежит в основе и цинской политики XVIII в., и современной внешней политики КНР» (Кукеев, 2011, с. 7–10; 2018, с. 338–339). Это означает оправдание захвата Джунгарии и истребления ее населения.

«Историки Цяньлуна заложили основы для всех последующих исторических построений, которые изображали монголов как неизбежную, существенную и вечную часть китайской имперской и национальной сферы» [Perdue, 2005, p. 481]. Эта концепция широко представлена в китайских работах 1950-х — 1970-х гг., где заявляется, «что ойраты якобы издавна являлись одной из “народностей великого Китая”, а в период династий Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.) такого рода связи будто бы еще более укрепились и расширились». Согласно этим утверждениям, джунгары с древних времен являлись составной частью Китая, никогда не объединялись в независимое государство, а были национальным меньшинством на северо-западе Китая [Гуревич, Моисеев, 1979, с. 43–55].

Эта традиция сохраняется и в современной КНР. Например, Си Цзиньпин в 2021 г. посетил музей в Чэндэ, где была выставка «Внутри и за пределами Великой стены надежды: свидетельства национального единства во времена династии Цин». Сообщается, что участь джунгаров на той выставке не фигурировала, а Председатель в своей речи в музее отметил, что КПК продолжает работу по «великому объединению китайской нации», в которую Цяньлун внес весомый вклад [Gurung, 2021]. Это согласуется с принятой в КНР доктриной, что «испокон веков Синьцзян находится под управлением центрального правительства Китая <...> В 1757 году династия Цин подавила джунгаров, которые на протяжении долгого времени изолировали Северо-Запад» [История и развитие...].

Под «центральным правительством Китая» в этих случаях понимаются так называемые китайские династии, в том числе Цинская. Однако в действительности это были не разные династии одного государства, а разные государства (подробнее см.: [Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17]). По крайней мере, с началом упадка империи Тан в VIII в. вплоть до цинского покорения Синьцзян фактически не являлся частью Китайского государства. Он сохранял с ним лишь культурные и символические связи в виде дипломатических миссий и обмена дарами с императорским двором [Санин, 2017, с. 212]. Джунгарское ханство было независимым государством, что опровергает принятую в КНР концепцию истории.

Согласно принятой маньчжурами китайской мироустроительной модели император Среднего государства (в том числе Хунли) — «сын Неба», он проводит в жизнь указания Свыше. По мнению Хунли, джунгары нарушали указания Неба и заповеди буддизма, а подданные Цин поддерживаются Небом, так что разгром джунгаров был силой не людей, а Неба [Krueger, 1972, pp. 59–69]. Конфуцианские доктрины, которые давали оправдание войне, позже толковались как оправдывающие завоевания [Hui, 2011, p. 211]. Хунли заявлял, что не одобряет войну и не считает

ее добродетелью, но она оказалась неизбежной, и Небо было на цинской стороне [Perdue, 2005, pp. 62–65]. Агрессивная внешняя экспансия противоречила общекультурным ценностям конфуцианства. Чтобы подвести идеологическую основу под действия маньчжурской династии, в конце XVII в. был разработан особый вид исторических трудов — фанлюэ (方略) или цзилуэ (纪略) — «стратегические планы» или «описания войн», подлежавшие обязательному утверждению императором [Каморная, 2014, с. 141–145].

Хунли оправдывал агрессию с конфуцианскими аллюзиями, но был при этом буддистом. Начиная с Хунтайджи (Абахая), все маньчжурские императоры почитались как эманации бодхисаттвы Манджушри. Однако они «никогда официально не упоминали об этом. Это объяснялось тем, что маньчжурские правители рано решили, что их наиболее важные экономические и политические интересы связаны с Китаем и что их наиболее заметный религиозно-политический образ должен быть китайским и конфуцианским. Называть себя бодхисаттвами означало бы противопоставить их предрассудкам большинства представителей правящего класса Китая, образованных землевладельцев... Маньчжурские правители игнорировали свой статус бодхисаттв, но на самом деле тайно поощряли его, поскольку это увеличивало их политическое влияние в Монголии и Тибете» [Farquhar, 1978, pp. 5–34].

Есть ряд официальных и неофициальных изображений Хунли в образе бодхисаттвы Манджушри. Есть буддийские иконы (тханка), где он изображен в окружении представителей буддийского пантеона. Предполагается, что эти изображения не использовались для ритуальных целей, а отображали приверженность императора мудрости и силе тибетского буддизма. Гробница Хунли выполнена в стиле тибетского буддизма, в ней есть ряд буддийских изображений. Есть все основания полагать, что он почитал буддизм искренне, а не только в стратегических целях [Benard, 2004, pp. 129–132]. Цинские императоры обозначались как Манджушри и во многих тибетских трактатах XVIII в. Для них как эманаций Манджушри была составлена своя линия перевоплощений. Есть несколько типов тханка с Хунли как бодхисаттвы Манджушри и чакравартина — идеального буддийского царя. Характер художественного исполнения этих тханка согласуется с обозначением необходимости всех народов добровольно подчиниться чакравартину, а также с тем, что он является перерождением великого монгольского хана Хубилая, с символическим духовным союзом монголов, маньчжуров и тибетцев [Ishihama, 2005, p. 27].

Хунли получил от тибетских иерархов Джанджа-хутухты и Панчен-ламы тантрические посвящения Чакрасамвары и Махакалы, до конца жизни занимался соответствующими практиками. Как эманация Манджушри, Хунли мог на равных общаться с перерожденными ламами. Среди буддистов Бурятии распространились сходные идеи: что российские императоры и императрицы — эманации Белой Тары, Чингис-хан и его потомки — эманации Ваджрапани, английская королева Виктория — эманация Палден Лхамо [Кузьмин, 2016, с. 20–21, там же см. ссылки на источники]. Но эти монархи не были буддистами, а их образы не использовались в буддийской иконографии.

Вместе с тем на основании приказов Хунли было проведено массовое истребление джунгаров независимо от пола и возраста, а сам он впоследствии прославлял завоевание Джунгарии. Он же санкционировал пытки и жестокие казни не только бунтовщиков, но и членов их семей и слуг.

Например, в его приказе о подавлении нескольких взбунтовавшихся ойратских феодалов вскоре после начала восстания Амарсаны сказано: «(Их) жен и прислугу полностью казнить» [Китайские документы..., 1994, с. 85].

Сохранилось свидетельство советника канцелярии Коллегии иностранных дел России В. Братищева, в 1757 г. возвратившегося из Пекина, о казни там Шадар-вана Чингунжава (о его восстании см. в первой части моей статьи). Хунли, «...когда пойманного главного мунгалского

начальника Шадар-Вана (который российской протекции искал) пред своими очми в дворе своем предал такой тиранской казни, что с лишком три ста кусков острыми клещами из его тела распетленного и поставленного на коленях, вырывая из тех мест, кои бы жизнь не скоро прекратили, и каждой кусок показывая глазам казнимаго, бросали приведенным нарочно собакам на съедение (в то время богдыхан, остервясь, в предосудительных словах о России отзывался). С жены его, Шадар-Вана, живой пред очми же богдыхана кожа содрана» [Русско-джунгарские отношения, 2006, с. 222]. Сходные сведения о способе казни Чингунжава сохранились в монгольских легендах о нем [Потанин, 1883, с. 300–309].

Такие действия не только противоречат статусу бодхисаттвы и чакравартина, но являются грубейшими нарушениями коренных заповедей буддиста. Об этом не мог не знать Хунли, получавший высшие буддийские посвящения. Следовательно, инспирированное в Цинской империи почитание Хунли как бодхисаттвы и чакравартина противоречило основам буддизма.

Было ли истребление джунгаров геноцидом?

Так было ли истребление джунгаров геноцидом? Термин «геноцид» введен юристом Р. Лемкиным гораздо позже — в 1933 г., а юридически обязывающее его определение принято ООН в 1948 г. Так как этот термин часто используется применительно к Джунгарии, посмотрим, насколько такая оценка согласуется с данной международно-правовой категорией.

Принятая ООН «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» содержит следующие положения.

«Статья I. Договаривающиеся стороны подтверждают, что геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение.

Статья II. В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Статья III. Наказуемы следующие деяния:

- a) геноцид;
- b) заговор с целью совершения геноцида;
- c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- d) покушение на совершение геноцида;
- e) соучастие в геноциде.

Статья IV. Лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в статье III деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

Статья V. Для введения в силу положений настоящей Конвенции договаривающиеся стороны обязуются провести необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой, и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида или других упомянутых в статье III преступлений.

Статья VI. Лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье III деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда.

Статья VII. В отношении выдачи виновных геноцид и другие перечисленные в статье III деяния не рассматриваются как политические преступления. В таких случаях договаривающиеся стороны обязуются осуществлять выдачу в соответствии со своим законодательством и действующими договорами.

Статья VIII. Каждый участник настоящей Конвенции может обратиться к соответствующему органу Объединенных Наций с требованием принять, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, все необходимые, по его мнению, меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний.

Статья IX. Споры между договаривающимися сторонами по вопросам толкования, применения или выполнения настоящей Конвенции, включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний, передаются на рассмотрение Международного Суда по требованию любой из сторон в споре.

Статья X. Настоящая Конвенция, английский, китайский, испанский, французский и русский тексты которой являются равно аутентичными, датируется 9 декабря 1948 года.

Статья XI. Настоящая Конвенция будет открыта для подписания ее до 31 декабря 1949 года от имени любого члена Организации Объединенных Наций и любого не состоящего членом Организации государства, получившего приглашение Генеральной Ассамблеи подписать Конвенцию. Настоящая Конвенция подлежит ратификации, и акты о ратификации депонируются у Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций. Начиная с 1 января 1950 года к настоящей Конвенции могут присоединиться любой член Организации Объединенных Наций и любое не состоящее членом этой Организации государство, получившее вышеозначенное приглашение. Акты о присоединении депонируются у Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XII. Любая из договаривающихся сторон может в любое время путем извещения на имя Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций распространить применение настоящей Конвенции на все или некоторые территории, за ведение внешних отношений которых она ответственна.

Статья XIII. В день, когда у Генерального Секретаря будут депонированы первые двадцать актов о ратификации или присоединении, Генеральный Секретарь заготавливает Протокол, который в копиях препровождается всем государствам — членам Организации Объединенных Наций и всем не состоящим членами Организации государствам, предусмотренным в статье XI. Настоящая Конвенция вступает в силу на девятый день, считая со дня депонирования двадцатого акта о ратификации или присоединении. Акты о ратификации и присоединении, полученные после вступления в силу настоящей Конвенции, вступают в действие на девятый день, считая со дня их депонирования у Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XIV. Настоящая Конвенция действительна в течение десяти лет, начиная со дня вступления ее в силу. Она остается в силе на последующие пятилетия в отношении тех договаривающихся

сторон, которые не денонсируют ее по меньшей мере за шесть месяцев до истечения соответствующего срока ее действия. Денонсация производится путем письменного уведомления на имя Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XV. Если в результате денонсации число участников настоящей Конвенции станет менее шестнадцати, Конвенция прекращает свое действие в день вступления в силу последней денонсации.

Статья XVI. Требование о пересмотре настоящей Конвенции может быть представлено в любое время любой из договаривающихся сторон путем письменного сообщения на имя Генерального Секретаря. Генеральная Ассамблея решает о том, какие меры необходимо принять в отношении такого требования, если она признает необходимым принятие каких-либо мер.

Статья XVII. Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций извещает всех членов Организации Объединенных Наций и не состоящие членами Организации государства, предусмотренные в статье XI:

- a) о всех актах о подписании, ратификации и присоединении, полученных в соответствии со статьей XI;
- b) о всех заявлениях, полученных в соответствии со статьей XII;
- c) о дне вступления в силу настоящей Конвенции в соответствии со статьей XIII;
- d) о денонсациях, полученных в соответствии со статьей XIV;
- e) об отмене Конвенции в соответствии со статьей XV;
- f) о заявлениях, полученных в соответствии со статьей XVI.

Статья XVIII. Подлинник настоящей Конвенции депонируется в архив Организации Объединенных Наций. <...>

Статья XIX. Настоящая Конвенция регистрируется Генеральным Секретарем Организации Объединенных Наций в день вступления ее в силу» (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml) (дата обращения: 04.12.2025).

Я привел детально текст Конвенции в связи с тем, что термин «геноцид» в наше время используется настолько свободно, что нередко искажается его точный смысл. Итак, признаками геноцида являются действия с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо группу по признаку национальности, этничности, расы или религии путем не только убийства, но также калечения и(или) создания условий, направленных на уничтожение этой группы. При этом наказуемо не только совершение геноцида, но и преднамеренные действия, направленные на его реализацию. Важно отметить, что в Конвенции не указаны конкретные цифры, отличающие геноцид от других преступлений. Следовательно, дискуссии о том, какую часть населения надо уничтожить, чтобы это было геноцидом, не имеют под собой юридических оснований: важно лишь соответствие или несоответствие перечисленным выше признакам. Наказанию подлежат виновные в этом — не только исполнители и частные лица, но и вышестоящие.

Применимо ли понятие геноцида к цинскому завоеванию Джунгарии?

Целью Хунли был захват Джунгарского ханства. Этот захват планировался заранее. При этом возможность истребления джунгаров не исключалась. Еще в 1731 г. цинские послы в Петербурге заявляли, что если Галдан-Цэрэн подчинится «наставлению» императора, выдаст беглеца и будет просить прощения, то, возможно, его получит, а если нет — то «без сомнения наша армия тот народ может искоренить» [Китинов, 2021, с. 381]. В 1754 г., после прибытия Амарсаны в империю Цин, Хунли заявил: «Наша династия вот уже в течение нескольких десятков лет выжидала, строила наблюдательные пункты и изучала границу, готовила войска к истреблению джунгар, но не смогла этого сделать. Теперь же складывается (для нас) подходящая обстановка, которой

нельзя не воспользоваться для решения вопроса (о Джунгарском ханстве) силою оружия» [Гуревич, 1983, с. 105–106].

Приказы Хунли выглядят ситуативно, не во всем совпадают и допускают разные трактовки. В результате истребление джунгарского населения рассматривалось, по крайней мере частью цинских командиров, как наиболее правильное решение: они не несли реальной ответственности, зато поощрялись за успешное выполнение общей задачи «умиротворения». Это означает, как минимум, соучастие Хунли в геноциде. Сам он знал методы и последствия этого «умиротворения». Например, весной 1758 г. он отмечал, что «после усмирения ойратов осталось совсем немного» [Ходжаев, 1984, с. 162]. И тем не менее восхвалял это.

В результате население Джунгарии истреблялось хотя и ситуативно, но именно по этническому признаку. Захват страны привел к ее почти полному обезлюдению. Целью было также стирание понятия «джунгары» из исторической памяти и распыление ойратов среди других этносов с перспективой их дальнейшей ассимиляции. Происходило это и с беженцами от действий карателей.

Итак, намерение, по крайней мере, частично уничтожить ойратов по этническому признаку следует из приказов Хунли, а из действий подчинявшихся ему войск — намерение их полного уничтожения. Это соответствует ст. II приведенной выше Конвенции. Соответствуют ей и методы, применявшиеся войсками Хунли: убийство, причинение серьезных телесных повреждений, преднамеренное создание условий для полного или частичного уничтожения посредством голода вследствие уничтожения скота и другой собственности ойратов. К таким условиям могла относиться и эпидемия оспы: она возникла вследствие массовых перемещений населения в зараженные места из-за действий цинских войск, которые, вероятно, сами избегали контакта с заболевшим населением и не заражались.

В наше время Хунли и его войска подлежали бы наказанию за заговор с целью геноцида, подстрекательство к нему, покушение и соучастие (ст. III), причем статус виновных не освобождал бы их от наказания (ст. IV). Это следовало бы учитывать тем, кто в наше время восхваляет деятельность этого императора.

Заключение

В целом столкновение Джунгарского ханства и империи Цин, властители которой претендовали на преемственность от Чингис-хана, было связано с экспансионистской политикой обоих государств, стремившихся подчинить своей власти монголов и доминировать в Тибете. Хотя империя Цин имела военное и экономическое превосходство над Джунгарией, последняя смогла продержаться как независимое государство до середины XVIII в.

Последним ханом независимой Джунгарии был Давачи. В то время он не был цинским подданным. Его государство стояло на грани краха в результате междоусобиц. Цинское вторжение привело к пленению Давачи, лишению его власти и доставке в Пекин, где он признал цинское подданство. В результате Джунгария перестала быть независимым государством. Амарсана как один из командующих цинскими силами вторжения к тому времени тоже принял цинское подданство. Он внес важный вклад в то, что Джунгария перестала быть независимым государством.

Данная война могла завершиться мирной аннексией Джунгарии, если бы не восстание Амарсаны. Хунли правомерно трактовал его восстание как бунт своих подданных: ведь Амарсана ранее добровольно принял цинское подданство. Правда, Хунли неправоммерно трактовал как бунты и предыдущие смуты внутри Джунгарского ханства, когда оно было независимым. Себя он

рассматривал как благодетеля, который принес умиротворение и покой — замалчивая при этом массовое истребление джунгаров и искусственное стирание их из исторической памяти, проводившиеся на основе его приказов.

Согласно альтернативной точке зрения, «...у Цяньлуна не было планов по физическому истреблению ойратов... События 1755–1758 годов, сопровождавшиеся большими жертвами среди ойратского населения, являются не геноцидом ойратского народа, спланированным заранее, а реакцией Цяньлуна на восстание Амурсаны и ряда других ойратских феодалов». «Все планы Цяньлуна по покорению Джунгарии малой кровью полностью перечеркнули ожесточенные военные действия, длившиеся с начала 1756 по середину 1758 гг.» [Пастухов, 2009, с. 25–29]. «Цинская империя стремилась уничтожить Джунгарское государство, правители которого проявляли великое непокорство в отношении императора, но не ставила цель уничтожить ойратский народ» [Кузнецова, 2021, с. 33]. Аргументы в пользу этого приведены выше.

Хунли действительно не ставил изначальной целью уничтожение всех джунгаров, и его приказы не были заранее спланированной стратегией. Однако, ставя целью аннексию Джунгарского ханства, он не считался с потерями населения в нем, а командиры его войск зачастую считали полное истребление джунгаров наилучшим способом достижения этой цели. Император не мог не знать о таких методах и результатах войны, но оправдывал ее и считал одним из своих главных достижений. Действия Хунли и его войск соответствуют современному понятию геноцида.

Ряд поступков Хунли противоречат распространявшимся в Цинской империи представлениям о том, что он был выдающимся буддистом, эманацией бодхисаттвы и чакравартином. По-видимому, он странным образом сочетал в себе искреннюю веру в буддизм с грубыми нарушениями его канонов: с оправданием и развязыванием агрессивной войны, массовых убийств, пыток и казней, в том числе невинных людей.

Все это не отменяет тот факт, что эта война была реакцией Хунли на восстание его подданного Амарсаны. Нельзя отрицать отваги Амарсаны на определенных этапах восстания. Однако до того он участвовал в распрях между ойратами в борьбе за ханский престол, ведших к развалу Джунгарского государства. В результате этого последним ханом Джунгарии стал его сторонник Давачи. Чтобы свергнуть его и самому стать ханом, Амарсана принял цинское подданство, получил от Хунли титул цинь-вана и был назначен одним из командующих в походе на Джунгарию.

Амарсана сыграл важную роль в установлении цинской власти в Джунгарии, свержении и отправке в Пекин последнего джунгарского хана — Давачи, размещении в Джунгарии цинских войск — то есть в упразднении джунгарской независимости. Он тщетно ждал, что Хунли назначит его общеойратским ханом. Но если бы и дождался, то все равно бы остался цинским подданным, и Джунгарское ханство не стало бы независимым государством. Объявив себя независимым ханом, Амарсана поднял плохо подготовленное восстание против Цин, подавление которого сопровождалось геноцидом джунгаров. В это время его посланец в России предложил, что на определенных условиях (включая содействие в признании его ойратским ханом) он готов перейти в подданство России. Однако и эта попытка стать ханом, приняв новое подданство, оказалась безуспешной. А в Джунгарии продолжался геноцид — после того, как сам Амарсана бежал оттуда, найдя убежище в России, где вскоре скончался от оспы. Так его стремление к личной власти любой ценой стало одной из причин гибели его страны и геноцида ее населения.

И все-таки Амарсана считается героем национально-освободительной борьбы монголов, в Монголии есть памятник ему. Но можно согласиться с мнением известного монголоведа Б. Я. Владимирцова: «Народная память сохранила лишь немногие черты истинного Амурсаны. Ему простили многое: его вероломство, нетвердость и непостоянство во взглядах и симпатиях,

его честолюбие; народная память остановилась на одном моменте его бурной жизни — на борьбе с манджуро-китайцами, она приукрасила поступки своего героя и сделала его последним борцом за независимость, за независимое и славное существование ойратского племени. И Амурсана превратился в идеальный образ, о котором мечтали» [Владимирцов, 2002, с. 272].

Памятник Шадар-вану Чингунжаву в Улан-Баторе, Монголия (фото: С.Л. Кузьмин).

Приведено высказывание Чингунжава: «Государство и потомки мои да пребудут вечно». Слева на стене написано: «Чингунжав из Золотого рода Чингис-хана был вождем восстания 1755–1758 гг. за независимость Монголии против угнетения Цинской династией».

Впереди справа на черной табличке две надписи переводятся так. Монгольский текст: «По инициативе фонда Чингунжава, посвященной 300-летней годовщине со дня рождения хотогойтского Шадар-вана Чингунжава, воздвигнуто по проекту художника и скульптора Ш. Тэнгисболда. Высота памятника – 10 м, вес – 5 т. На памятной стеле отмечено, что потомок Чингис-хана Чингунжав возглавил вооруженную борьбу за независимость от маньчжурской оккупации в 1755–1758 гг. Офис мэра г. Улан-Батор, столичный отдел искусства и культуры, столичный отдел туризма».

Английский текст: «Бандийн Чингунжав (1710 – ок. 1758), Шадар-ван хотогойтов, был аристократом в северной Монголии, который возглавил неудачное антиманьчжурское восстание в 1755–1758 гг. В ознаменование его 300-летней годовщины эта бронзовая статуя 10 м высотой и весом 5 т воздвигнута в 2010 г. как дань уважения борцу за свободу, зверски казненному цинским двором. Создана художником и скульптором Ш. Тэнгисболдом. Расположение: проспект Чингунжава, 8-й хороо района Баян-гол. Офис мэра г. Улан-Батор, отдел искусства и культуры Улан-Батора, отдел туризма г. Улан-Батор».

Литература / Reference

- Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.* М., 1983 [Gurevich B. P. *International Relations in Central Asia in 17th — First Half of 19th Centuries*. Moscow, 1983 (in Russian)].
- Гуревич Б. П., Моисеев В. А. Взаимоотношения цинского Китая и России с джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография. *История СССР*. 1979. № 3. С. 43–55 [Gurevich B. P., Moiseev V. A. 1979. Relations of the Qing China and Russia with Zungar Khanate in the 17th — 18th centuries and Chinese historiography. *Istoriya SSSR*. 1979. No. 3. Pp. 43–55 (in Russian)].
- Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа. *Восток*. 2014. № 1. С. 5–17 [Dmitriev S. V., Kuzmin S. L. Qing Empire as China: an anatomy of historical myth. *Oriens*. 2014. No. 1. Pp. 5–17 (in Russian)].
- История и развитие Синьцзяна (Белая книга)* [History and Development of Xijiang (White Book)]. https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/200305/t20030531_878963.html (дата обращения: 21.07.2025) (in Russian)].
- Каморная Ю. О. Завоеватели или мироустроители: проблема внешних войн в официальном историописании периода Цин. *Россия и АТР*. 2014. № 2 (84). С. 138–157 [Kamornaya Yu. O. Conquerors of world order makers: problem of outer wars in official historiography of the Qing period. *Rossiya i ATR*. 2014. No. 2 (84). Pp. 138–157 (in Russian)].
- Каримова Н. Э., Тулибаев Т. Е. Сочинение Цишии «Сиюй вэньцзяньлу»: сведения по истории народов Центральной Азии второй половины XVIII в. *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 373–382 [Karimova N. E., Tulibaev T. E. Xiyu wenjian lu by Qishi: materials on the history of Central Asian peoples in mid-to-late 18th Century revisited. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 373–382 (in Russian)].
- Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX веков*. Алматы, 1994 [Chinese Documents and Materials on the History of East Turkestan, Middle Asia and Kazakhstan of the 14th — 19th Centuries. Almaty, 1994 (in Russian)].
- Китинов Б. У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов. М., 2021. Т. 2 [Kitinov B. U. *Buddhism and Religious Leaders of Tibet in the History of the Four Oirats*. Moscow, 2021. Vol. 2 (in Russian)].
- Кузнецов В. С. *Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.* Новосибирск, 1983 [Kuznetsov V. S. *Qing Empire on the Borders of Central Asia (2nd Half of the 18th — 1st Half of the 19th Centuries)*. Novosibirsk, 1983 (in Russian)].
- Кузнецова Н. В. Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому государству и казахам. *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 1. С. 22–40 [Kuznetsova N. V. Sacral character of power in the Qing Empire and its appearance in the external policy towards the Zungar State. *Mongolovedenie*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 22–40 (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. *Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века*. М., 2016 [Kuzmin S. L. *Theocratic Statehood and Buddhist Church of Mongolia in the Beginning of the 20th Century*. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. Гибель Джунгарского ханства и геноцид джунгаров в XVIII веке. Часть 1. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 32–53 [Kuzmin S. L. Collapse of the Zungar khanate and genocide of the Zungars in the 18th Century. Part 1. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 32–53 (in Russian)].
- Кукеев Д. Г. К вопросу о новых тенденциях в современной китайской историографии по Джунгарскому ханству. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2011. № 2. С. 7–11 [Kukeev D. G. On new tendencies in modern Chinese historiography on the Zungar Khanate. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovaniy RAN*. 2011. No. 2. Pp. 7–11 (in Russian)].

Кукеев Д. Г. Особенности сопротивления ойратов на заключительном этапе уничтожения Джунгарского ханства: «махачин». *Общество и государство в Китае*. 2018. Т. 48. № 1. С. 13–22 [Kukeev D. G. Peculiarities of the Oirat resistance at final stage of the destruction of the Zungar Khanate: “makhachin”. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*. 2018. T. 48. No. 1. Pp. 13–22 (in Russian)].

Кукеев Д. Г. «Махачин» и культура насилия на цинском пограничье в Джунгарии. *Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве*. Элиста, 2019. С. 338–342 [Kukeev D. G. “Makhachin” and the culture of violence at the Qing borderland of Zungaria. *Setevoe Vostokovedenie: Vzaimodeistvie Mongolskikh i Tyurkskikh Etnosov vo Vremeni i v Prostranstve*. Elista, 2019. Pp. 338–342 (in Russian)].

Лю Цян. Буддизм в джунгарско-цинских отношениях (конец XVII в. — середина XVIII в.). Дисс. канд. ист. наук. М.: ИВ РАН, 2022 [Liu Tsiang. *Buddhism in Zungar Qing Relations (End of 17th — Middle of 18th Centuries)*. Ph. D. (Hist.) Diss. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2022 (in Russian)].

Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Кн. 2 [International Relations in Central Asia. 17th — Middle of 18th Centuries. Documents and Materials. Moscow, 1989. Pt. 2 (in Russian)].

Оюунжаргал О. Ойраты в политике маньчжурской династии Цин. Улан-Удэ, 2015 [Oyuunjargal O. *Oirats in the policy of the Qing Manchu Dynasty*. Ulan-Ude, 2015 (in Russian)].

Пастухов А. М. Ойратская политика Цяньлуна. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2009. № 2. С. 19–29 [Pastukhov A. M. The Qianlong Oirat policy. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovaniy RAN*. 2009. No. 2. Pp. 19–29 (in Russian)].

Пастухов А. М. Оценка событий 1755–1760 гг. в Джунгарии и Восточном Туркестане. *Parabellum novum*. 2022a. № 17 (50). С. 161–185 [Pastukhov A. M. Estimation of events in 1755–1760 in Zungaria and East Turkestan. *Parabellum novum*. 2022a. No. 17 (50). Pp. 161–185 (in Russian)].

Пастухов А. М. Цинское завоевание Джунгарии в 1755–1758 гг. *Parabellum novum*. 2022b. № 17 (50). С. 34–78 [Pastukhov A. M. Tsinskoe zavoevanie Dzhungarii v 1755–1758 gg. *Parabellum novum*. 2022b. No. 17 (50). Pp. 34–78 (in Russian)].

Потанин Г. Н. *Очерки северо-западной Монголии*. Вып. 4. С.-Петербург, 1883 [Potanin G. N. *Accounts of North-Western Mongolia*. Pt. 4. S.-Petersburg, 1883 (in Russian)].

Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е годы XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006 [Russian–Zungar Relations (end of 17th — 60s of 18th Centuries). Documents and Excerpts. Barnaul, 2006 (in Russian)].

Санин К. А. Западный край Китая (к вопросу об истории восприятия Синьцзяна и Центральной Азии в Китае). *Общество и государство в Китае*. 2017. Т. 47. № 1. С. 207–216 [Sanin K. A. Western part of China. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*. 2017. Vol. 47. No. 1. Pp. 207–216 (in Russian)].

Таката Т. Пояснения к картинам батальных сцен «Покорения Западного края» императора Цяньлуна. *Письменные памятники Востока*. 2011. № 2 (15). С. 279–290 [Takata T. Comments to paintings of the battle scenes of the “Subjection of the Western Region” of the Qianlong Emperor. *Pismennye Pamyatniki Vostoka*. 2011. No. 2 (15). Pp. 279–290 (in Russian)].

Хафизова К. Ш. *Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках*. Нур-Султан, 2019 [Khafizova K. Sh. *Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th — 19th Centuries*. Nur-Sultan, 2019 (in Russian)].

Ходжаев А. О расселении ойратов после захвата Джунгарии Цинской империей. *Общество и государство в Китае*. М., 1984. С. 161–168 [Khjaev A. On the distribution of Oirats after the capture of Zungaria by Qing Empire. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*. Moscow, 1984. Pp. 161–168 (in Russian)].

Ходжаев А. *Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в.* Ташкент, 1991 [Khojaev A. *Qing Empire and East Turkestan in 18th Century*. Tashkent, 1991 (in Russian)].

Чимитдоржиев Ш. Б. *Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв.* Улан-Удэ, 2002 [Chimitdorjiev Sh. B. *National Liberation Movement of the Mongolian People in the 17th–18th Centuries*. Ulan-Ude, 2002 (in Russian)].

- Benard E. The Qianlong emperor and Tibetan Buddhism. *New Qing Imperial History. The making of Inner Asian Empire at Qing Chengde*. London — New York, 2004. Pp. 123–135.
- Farquhar D. M. Emperor as bodhisattva in the governance of the Ch'ing Empire. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1978. Vol. 38. No. 1. Pp. 5–34.
- Gurung L. 2021. *Puning temple: why Xi Jinping celebrated a genocide*. URL: <https://bitterwinter.org/puning-temple-why-xi-jinping-celebrated-a-genocide/> (дата обращения: 21.07.2025).
- Hui V. T. Confucianism and peacemaking in Chinese history // *Peacemaking: From Practice to Theory*. 2011. Vol. 1. Pp. 211–227.
- Ishihama Y. Study of the Qianlong as Cakravartin, a manifestation of bodhisattva Manjushri, tangka. *Bulletin of Waseda Institute for Mongolian Studies*. 2005. No. 2. Pp. 19–39.
- Jia J. Whose Xinjiang? The Transition in Chinese Intellectuals' Imagination of the “New Dominion” during the Qing Dynasty. *Harvard-Yenching Institution Working Paper Ser.* 2011. URL: https://www.harvard-yenching.org/wp-content/uploads/legacy_files/featurefiles/Jia%20Jianfei_Whose%20Xinjiang.pdf (дата обращения: 21.07.2025).
- Krueger J. R. The Ch'ien-Lung inscriptions of 1755 and 1758 in Oirat-Mongolian. *Central Asiatic Journal*. 1972. Vol. 16. No. 1. Pp. 59–69.
- Newby L. *The Empire and the Khanate: a Political History of Qing Relations with Khoqand, c. 1760–1860*. Leiden — Boston, 2005.
- Perdue P. C. *China Marches West. The Qing Conquest of Central Asia*. Cambridge — London, 2005.
- Pilkington R. Zungars // *Encyclopedia of Genocide and Crimes Against Humanity*. Detroit etc., 2005. Pp. 1182–1185.
- Waley-Cohen J. Commemorating war in Eighteenth-Century China. *Modern Asian Studies*. 1996. Vol. 30. No. 4. Pp. 869–899.
- Zhao G. Reinventing China: imperial Qing ideology and the rise of modern Chinese national Identity in the early Twentieth Century. *Modern China*. 2006. Vol. 32. No. 1. Pp. 3–30.